Паноптикум

«Паноптикон» Бентама — архитектурный образ этой композиции. Принцип его нам известен: по периметру — здание в форме кольца. В центре — башня. В башне — широкие окна, выходящие на внутреннюю сторону кольца. Кольцеобразное здание разделено на камеры, каждая из них по длине во всю толщину здания. В камере два окна: одно выходит внутрь (против соответствующего окна башни), а другое — наружу (таким образом вся камера насквозь просматривается). Стало быть, достаточно поместить в центральную башню одного надзирателя, а в каждую камеру посадить по одному умалишенному, больному, осужденному, рабочему или школьнику. Благодаря эффекту контржурного света из башни, стоящей прямо против света, можно наблюдать четко вырисовывающиеся фигурки пленников в камерах периферийного «кольцевого» здания. Сколько камер-клеток, столько и театриков одного актера, причем каждый актер одинок, абсолютно индивидуализирован и постоянно видим. Паноптическое устройство организует пространственные единицы, позволяя постоянно видеть их и немедленно распознавать. Короче говоря, его принцип противоположен принципу темницы. Вернее, из трех функций карцера - заточать, лишать света и скрывать — сохраняется лишь первая, а две другие устраняются. Яркий свет и взгляд надзирателя пленят лучше, чем тьма, которая в конечном счете защищает заключенного. Видимость — ловушка.

Прежде всего, такое устройство делало возможным — в качестве «отрицательного» результата — избежать образования тех скученных, кишащих и ревущих масс, которые населяли места заключения; их изображал Гойя и описывал Говард. Каждый индивид находится на своем месте, надежно заперт в камере, откуда его видит надзиратель; но внутренние стены мешают обитателю камеры установить контакт с соседями. Его видят, но он не видит. Он является объектом информации, но никогда — субъектом коммуникации. Расположение его камеры напротив центральной башни обеспечивает его продольную видимость; но перегородки внутри кольца, эти отдельные камеры, предполагают поперечную невидимость. И эта невидимость гарантирует порядок. Если в камерах сидят преступники, то нет опасности заговора, попытки коллективного побега, планов новых, будущих преступлений; если больные — нет опасности распространения заразы; если умалишенные — нет риска взаимного насилия; если школьники, то исключено списывание, гвалт, болтовня, пустая трата времени; если рабочие — нет драк, краж, компаний и развлечений, замедляющих работу, понижающих ее качество или приводящих к несчастным случаям. Толпа — плотная масса, место множественных обменов, схождения индивидуальностей и коллективных проявлений — устраняется и заменяется собранием отделенных индивидуальностей.

С точки зрения охранника, толпа заменяется исчислимым и контролируемым множеством, с точки зрения заключенных - изоляцией и поднадзорным одиночеством.

Отсюда — основная цель паноптикона: привести заключенного в состояние сознаваемой и постоянной видимости, которая обеспечивает автоматическое функционирование власти. Устроить таким образом, чтобы надзор был постоянным в своих результатах, даже если он осуществляется с перерывами, чтобы совершенство власти делало необязательным ее действительное отправление и чтобы архитектурный аппарат паноптикона был машиной, создающей и поддерживающей отношение власти независимо от человека, который ее отправляет, — короче говоря, чтобы заключенные были вовлечены в ситуацию власти, носителями которой они сами же являются. Для достижения этого результата постоянного надзора за заключенным одновременно слишком много и слишком мало: слишком мало, поскольку важно лишь то, чтобы заключенный знал, что за ним наблюдают; слишком много — поскольку нет нужды в постоянном надзоре. Поэтому Бентам сформулировал принцип, согласно которому власть должна быть видимой и недоступной для проверки. Видимой: заключенный всегда должен иметь перед глазами длинную тень центральной башни, откуда за ним наблюдают. Недоступной для проверки: заключенный никогда не должен знать, наблюдают ли за ним в данный; конкретный момент, но должен быть уверен, что такое наблюдение всегда возможно. Для того чтобы сделать присутствие или отсутствие надзирателя неустановимым и чтобы заключенные в своих камерах не могли видеть даже его тень или очертания, Бентам предусмотрел не только решетчатые ставни на окнах центрального зала наблюдения, но и внутренние перегородки, пересекающие этот зал под прямым углом. Между секторами - не двери, а зигзагообразные перегородки: ведь малейший шум, проблеск света в дверном проеме могут выдать присутствие охранника. Паноптикон - машина для разбиения пары «видеть — быть видимым»: человек в кольцеобразном здании полностью видим, но сам никогда не видит; из центральной башни надзиратель видит все, но сам невидим.

Это важный механизм, ведь он автоматизирует власть, и лишает ее индивидуальности. Принцип власти заключается не столько в человеке, сколько в определенном, продуманном распределении тел, поверхностей, света и взглядов; в расстановке, внутренние механизмы которой производят отношение, вовлекающее индивидов. Церемонии, ритуалы, знаки, посредством которых суверен проявлял «избыток власти», теперь бесполезны. Действуют механизмы, поддерживающие асимметрию, дисбаланс, различие. Следовательно, не имеет значения, кто отправляет власть. Любой индивид, выбранный почти наугад, может запустить машину: в отсутствие начальника — члены его семьи, его друзья, посетители и даже слуги.

Точно так же неважно, каков движущий мотив: нескромное любопытство, хитрость ребенка, жажда знания философа, желающего осмотреть этот музей человеческой природы, или злость тех, кто находит удовольствие в выслеживании и наказании. Чем больше этих анонимных и сменяющихся наблюдателей, тем больше заключенный рискует быть застигнутым врасплох, тем острее становится тревожное сознание поднадзорности. Паноптикон — чудодейственная машина, которая, как бы ее ни использовали, производит однородные воздействия власти.

Реальное подчинение механически рождается из вымышленного отношения. Так что нет нужды прибегать к насильственным средствам принуждения преступника к хорошему поведению, сумасшедшего — к спокойствию, рабочего - к труду, школьника - к прилежанию, больного — к соблюдению предписаний и рецептов. Бентам восхищался тем, что паноптические заведения могут быть столь облегченными: здесь нет ни решеток, ни цепей, ни увесистых замков. Достаточно четких перегородок и правильно расположенных проемов. Громоздкость старых «домов безопасности» крепостной архитектуры можно заменить простой, экономичной геометрией «домов надежности». Эффективность власти, ее принуждающая сила в каком-то смысле перешли на другую сторону - на сторону поверхности ее приложения. Тот, кто помещен в поле видимости и знает об этом, принимает на себя ответственность за принуждения власти; он допускает их спонтанную игру на самом себе; он впитывает отношение власти, д в котором одновременно играет обе роли; он становится началом собственного подчинения. Благодаря этому факту внешняя власть может уменьшить свою физическую тяжесть, она склоняется к бестелесному воздействию. И чем ближе она к этому пределу, тем более постоянными, глубинными и стабильными становятся ее проявления и последствия: вечная победа достигается без малейшего физического столкновения и всегда предрешена заранее.